

Род обских угров: коллизии советской и современной российской историографии

Е. П. Мартынова

*Тулский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Российская Федерация
ep_martynova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Родовая организация обско-угорских народов (хантов и манси, в прошлом остяков и вогулов) оказывалась дискуссионным полем не для одного поколения исследователей. Понятие «род» не имеет общепринятого определения, в науке существует множество терминов для обозначения специфических родственных групп: клан, линидж, родовая община и т. д.

Цель: выявить изменения феномена понятия «род» в советском и российском этнографическом дискурсе.

Материалы исследования: работы советских и современных российских этнологов и историков.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу, что накоплен большой массив данных и исследований о роде у обско-угорских народов. При анализе этого феномена исследователи не выходили за методологические рамки эволюционизма вплоть до начала 1990-х гг. Все интерпретации рода и родовой организации хантов и манси концептуально исходили из представлений о том, что эти народы сохраняли пережитки первобытности довольно длительное время. Новизна заключается в анализе изменений представлений о феномене рода у обских угров в контексте смены научных подходов, складывания антиэволюционизма, идущего на смену долгое время работавшего эволюционистского видения этнической истории. Антиэволюционистский поворот в этнологии конца XX в. способствовал осознанию того, что у хантов и манси существовали разные виды родственных объединений, имеющих различную основу и выполнявших разнообразные функции.

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), историография, социальная организация, род, родовой строй, родство

Для цитирования: Мартынова Е. П. Род обских угров: коллизии советской и российской историографии // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 570–579.

The clan of the Ob Ugrians: collisions of Soviet and modern Russian historiography

E. P. Martynova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russian Federation,
ep_martynova@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the clan organization of the Ob-Ugrian peoples (Khanty and Mansi, Ostyak and Vogul in the past) has been a debatable field for more than one generation of researchers. The term “clan” does not have a generally accepted definition. In science there are many words to designate specific clan groups: clan/kin, lineage, clan community, etc.

Objective: to identify changes in the phenomenon of the concept of “clan” in the Soviet and Russian ethnographic discourse.

Research materials: the works of Soviet and modern Russian ethnologists and historians.

Results and novelty of the research: as a result of the study the author concludes that a large body of data and research on clan among the Ob-Ugrian peoples has been accumulated. When analyzing this phenomenon, researchers did not go beyond the methodological framework of evolutionism until the early 1990s. All interpretations of the clan and the clan organization of the Khanty and Mansi conceptually proceeded from the notion that these peoples preserved remnants of primitive system for a long time. Soviet ethnographic discourse focused on the analysis of archaic features in their economy, culture, social structure and religious beliefs. The anti-evolutionary turn in ethnology of the late twentieth century contributed to the realization that the Khanty and Mansi had different kinds of kinship associations with different bases and performing various functions.

Key words: Ob Ugrian (Khanty and Mansi), historiography, social organization, clan, clan organization, kinship

For citation: Martynova E. P. The clan of the Ob Ugrians: collisions of Soviet and modern Russian historiography // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugrian Studies. 2022; 12 (3): 570–579.

Введение

Тематика, связанная с осмыслением рода и родства, давно привлекает внимание историков, антропологов, этнографов, философов, пытающихся разобраться в их сущности применительно к разным обществам и в разные эпохи. Тем не менее, эта проблема слывёт сложнейшей областью этнологии, а её изучение узко специализировано и даже «эзотерично» [2, 265]. Вслед за коллегами замечу, что понятия «родство» («счёт родства»), «род» употребляются учёными в разных значениях и до сих пор не имеют общепринятого определения [2, 266–267, 268; 18, 231]. В зарубежной историографии для обозначения групп, образующихся по родственному признаку, используются разные термины (clan, kin, lineage, genus) и также нет однозначных подходов к толкованию терминов и пониманию сущности рода и родства [38; 39; 40; 41]. Наиболее универсальным следует признать понимание рода как формы общности, основанной на кровных связях. В новейших отечественных исследованиях основными структурообразующими принципами рода признаются экзогамия, унилинейность и корпоративность [18, 232]¹. Нет единого мнения относительно функций рода, хотя практически все признают, что основными являются брачно-регулирующая и религиозно-обрядовая (ритуальная).

Родовая организация обско-угорских народов (хантов и манси, в прошлом остяков и вогулов) оказывалась дискуссионным полем не для одного поколения исследователей. Подробный обзор дореволюционной и советской литературы о социальном устройстве, прежде всего о родовом строе этих народов, содержится в труде З. П. Соколовой [22]. В данной работе я обращаюсь к историографии проблемы рода не для того, чтобы расставить все точки над *i*, а показать, как изменялось осмысление этого феномена на протяжении времени. Я не буду затрагивать вопросы, касающиеся счёта и терминологии родства у хантов и манси. Они, хотя и связаны с понятиями «род», «родство», всё же являются отдельной темой для исследования.

Материалы и методы

В качестве источников привлечены работы советских и современных российских этнологов и историков. Основным методом исследования стал сравнительно-исторический, а руководя-

щими принципами – историзм и объективность. При этом под историографией понимается не только изложение взглядов тех или иных авторов на социальные структуры двух родственных народов, но и идеи, рождавшиеся в определённые исторические периоды.

Результаты

В 1920-е гг. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, в том числе его Уральское отделение, организовали несколько экспедиций на Обский Север в поисках новых, социалистических, форм переустройства жизни северных «туземцев». Р. П. Митусова (профессиональный этнограф, сотрудник этнографического отдела Русского музея) в 1924–1925 гг. побывала на р. Аган. Г. А. Старцев (аспирант, ученик Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза) в 1925 г. проводил исследования в Берёзовском и Сургутском уездах. М. Б. Шатилов (учёный-этнограф, директор Томского краевого музея) в 1926 г. побывал на р. Вах. Это были молодые этнографы-профессионалы. В их задачи входило, прежде всего, обследование социально-экономического положения туземного населения, однако они провели комплексные исследования хозяйства, культуры, верований, общественного устройства, собрав разнообразный этнографический материал. По итогам поездок опубликовали свои материалы, в которых имеются сведения о родовом делении и родах. Г. А. Старцев обнаружил у остяков следы родового строя. Их родовое деление он связывал с тотемизмом (у каждого рода был свой дух-покровитель). По его мнению, в древности родами управляли богатыри и шаманы. Этнограф насчитал в Сургутском уезде 21 род [29, 55].

М. Б. Шатилов собрал материалы по землепользованию, отношениям собственности, нормам наследования, традициям управления и суда у ваховских хантов. На основании этих данных им написан специальный раздел о родовых и семейных отношениях. Этнограф считал, что наиболее распространённые по Ваху фамилии (Прасины, Камины, Сегельтовы, Натуськины) являются остатками «прежних родовых единиц» когда-то единого рода «Лар-ях» [37, 80]. Он отметил следующие признаки родовой организации: общность фамилий, общность происхождения от родоначальника-богатыря *матур*, экзогамность (слабо сохранившаяся), некоторая общность

¹ О. Ю. Артёмова не считает экзогамию обязательным признаком кланов и линиджей – унилинейных десцентных групп [2, 268].

промысловых угодий (отметил начавшийся переход промысловых угодий к отдельным семьям), общность божеств, праздников и жертвоприношений, забота о престарелых и сиротах, а также «родовое управление», суд и обычное право [37, 81]. Родовое устройство ваховских хантов учёный связывал с тотемизмом: «каждая родовая группа имела своё родовое божество, считая в то же время его своим-родоначальником-богатырём... Само родовое божество является членом рода, тесно связанным родственными узами со своими почитателями... Жертвоприношение является... средством родственного единения с божеством». Им приведены примеры родовых священных мест [37, 82, 83]. По его мнению, религиозный культ ваховских хантов, а конкретно – тотемистические представления, находится в теснейшей связи с социальным устройством. Такие признаки рода, как родовое управление, суд и обычное право были отмечены учёным, исходя из понимания родовой организации этнографами рубежа XIX–XX в.

Стоит обратить внимание на то, что исследователи-угроведы не употребляли в своих работах термины, обозначающие род или другие родственные группы в языках хантов и манси. М. Б. Шатилов в очерке о ваховских осятках использовал множество понятий, связанных с родом: родовые единицы, родовые группировки, родовой быт, родовые князьки, родоначальники, родовые управители, родовые божества, родовые мольбища и т. п. Все они русские, хантыйские аналоги этих терминов не приведены. Г. Д. Вербов, пожалуй, первым упомянул хантыйское слово *сыр* для обозначения рода у аганских хантов. Он был отправлен на Север для разработки алфавита, поэтому и обращал пристальное внимание на хантыйские слова. В 1934 г. начинающий учёный-аспирант, побывав на Агане у лесных ненцев и хантов, обнаружил у последних деление на три экзогамных рода Медведя, Лося и Бобра – *пуни-сыр*, *нохк-сыр*, *мохк-сыр* [5, 69]. Практически одновременно с ним осяцкое слово *сир/сыр* соотнёс с родом известный лингвист, фольклорист и этнограф В. Штейниц [42, 126]

В середине 1930-х гг. историки Сибири затронули в своих работах вопросы родового устройства обско-угорского общества накануне присоединения к Русскому государству. В 1935 г. был опубликован очерк С. В. Бахрушина «Осяцкие о вогульские княжества в XVI–XVII вв.» [3]. Простудировав большой массив русских письменных источников, он обнаружил у осятков и вогу-

лов признаки зарождения феодальных отношений. Соглашусь с мнением З. Я. Бояршиновой, что такой вывод он сделал, выступая против распространённого в дореволюционной литературе мнения о неспособности северных народов самостоятельно выйти за рамки родового строя [4, 12]. Поэтому и допускал, что в упоминаемых русскими документами «княжествах» осятков и вогулов протекали процессы феодализации. В целом историк признавал, что общественный быт обских угров накануне и в начальный период русской колонизации основывался на началах родового строя. В работе приведены многочисленные сведения (почерпнутые из работ XVIII–XIX вв. и архивных документов) о различных по характеру социальных объединениях сибирских угров – юртах, родах, больших семьях, сотнях. Родовой быт был обнаружен им у разных групп осятков и вогуличей [3, 20–23]. По мнению Сергея Владимировича, «условия рыболовно-охотничьего быта в Западной Сибири не способствовали сохранению крепко спаянных многолюдных родовых союзов» [3, 20].

Упоминание С. В. Бахрушина о наличии признаков феодализма у обских угров породили дискуссию среди советских историков 1930-х гг. Резко против такой точки зрения выступил Н. Н. Степанов, доказывавший, что С. В. Бахрушин сильно преувеличил уровень общественного развития осятков и вогулов, которые не достигли классового общества и продолжали жить в условиях патриархального родового строя. В статье Н. Н. Степанова приведено множество свидетельств (в ряде случаев совпадающих с материалами, которые использовал С. В. Бахрушин) о пережитках патриархальных отношений у разных групп обских угров и даже сохранении материнского права в XVIII–XIX вв. [30, 28–34]. В более поздней работе Н. Н. Степанов существенно приблизил свою позицию к мнению С. В. Бахрушина, написав, что к моменту присоединения к России «первобытнообщинный строй находился уже в стадии разложения; родовые единицы дробились на более мелкие — патриархальные домашние общины, происходила имущественная дифференциация, развивалось патриархальное рабство с использованием рабского труда в производстве, возрастала роль военных вождей, одним из стимулов межродовых и межплеменных войн стал захват имущества» [31, 78].

Полемика между С. В. Бахрушиным и Н. Н. Степановым показала, что возможна неоднозначная трактовка упомянутых в источниках

XVII–XIX вв. разных видов объединений, существовавших у остяков и вогулов (роды, юрты, сотни, десятни). В 1940–1960-е гг. ряд исследователей упоминали о родовых пережитках у обских угров. В частности, А. И. Мурзина считала, что манси сохраняли пережитки рода в XIX в. [16, 289–290]. А. И. Свешников полагал, что у обдорских хантов родовые устои можно было обнаружить вплоть до начала XX в. [21, 71–72]. При этом советские историки исходили из марксистско-ленинской (а, по сути, эволюционистской) концепции родового строя как предшественника классового общества. Спорили лишь о том, до какого времени обско-угорские народы сохраняли остатки первобытнообщинных отношений с присущим им родоплеменным делением. Они не поднимали вопросов о функциях рода, родовых связях и основывающихся на них общественных институтах.

Выявлению значения и социальных функций родоплеменных структур у народов Сибири посвятил фундаментальный труд Б. О. Долгих [10]. Он считал, что остяки и вогулы в «дорусский» период жили родовым строем, при котором племена (племенные общности) представляли собой устойчивые этнографические и территориальные общности, состоящие из ряда определённых родов или фратрий (или определённых частей родов и фратрий) [11, 334].

Родовая организации сибирских угров стала предметом специального исследования выдающегося советского этнографа и археолога В. Н. Чернецова. Его, в отличие от историков, прежде всего, интересовал вопрос о том, что собой представлял обско-угорский род как одна из форм социальной организации. Валерий Николаевич на протяжении многих лет ездил в этнографические экспедиции (с 1925 по 1938 г.), собрал уникальные материалы по верованиям, фольклору, общественному устройству манси и хантов. Две его работы посвящены анализу фратриальной и родовой организации [34; 35]. В. Н. Чернецов осмыслил сущность и особенности родовой структуры обских угров, исходя из положений теории Л. Г. Моргана – Ф. Энгельса. Согласно классической эволюционистской схеме Моргана, построенной на материалах по ирокезам, родственные роды объединялись во фратрии, две фратрии образовывали племя. При внешней опасности племена соединялись в племенные союзы. По Моргану, принцип экзогамии действовал в пределах рода, а фратрия являлась

военной единицей. Ф. Энгельс, используя материалы по древним германцам, считал фратрии «первоначальными родами», на которые распадалось племя.

В. Н. Чернецов в ходе полевых исследований обнаружил у обских угров фратриальное деление (на группы Пор и Мось) и родовую организацию. Признаками рода он считал родовую экзогамию, самоназвание (родовое имя), веру в единство происхождения от общего предка, наличие фонда личных имён, родовых кладбищ и кровной мести [35, 159–160]. Учёному удалось собрать уникальные материалы о дуальном и родовом делении среди манси и хантов, на основании которых он пришёл к выводу о сохранении в обско-угорском обществе архаичных родовых (по сути первобытнообщинных) отношений до начала XX в. В. Н. Чернецов предположил, что в «в эпоху расцвета матриархального рода единственной формой экзогамии в обско-угорском обществе было запрещение браков внутри фратрии... Но по мере разложения матриархата и шедшего параллельно с ним процесса дробления родов ослабевала и роль фратриальной экзогамии» [35, 159].

Валерий Николаевич собрал интереснейший материал об обско-угорских тотемах, являвшихся предками и духами-покровителями родов. Он обратил внимание на то, что каждый такой дух-предок (*torum*) «был связан с двумя-тремя или даже большим количеством других родов, где он также почитался в той или иной степени, причём предки этих родов считались его сыновьями и дочерьми... В сыновних или родительских отношениях между тотемными предками отдельных родов мы действительно вправе видеть отражение существовавшей некогда генетической связи между этими родами» [34, 23–25]. Учитывая наличие таких генетических и тотемных связей между родами, в одной из своих последних работ Валерий Николаевич предпочитал использовать вместо термина «род» понятие «тотемная генеалогическая группа», которой в мансийском языке соответствовало слово «опарись» [36, 80].

Дальнейшее развитие дуально-родовая теория В. Н. Чернецова получила в трудах крупнейшего специалиста по этнографии обских угров З. П. Соколовой [22; 23; 24; 25; 26]. Собранный и обработанный огромный массив записей о браках за XVIII – XIX вв., извлечённых из метрических книг, она пришла к выводу о наличии

у них дуальной экзогамии, а, следовательно, и дуально-фратриальной организации. Зоя Петровна обосновала оригинальную точку зрения об отсутствии рода как особой формы социальной организации у обских угров при наличии разделения на две фратрии [25, 121; 26, 94]. По её мнению, в период XVIII – начала XX вв. «у них не было рода ни как экономической, ни как экзогамной, ни как административной единицы», а авторы XVIII–XIX вв., упоминавшие о родах у остяков и вогулов, писали об объединениях различного типа [24, 221]. Исследовательница полагала, что у хантов и манси в XVII–XVIII вв. началась дифференциация на очень похожие на род генеалогические группы. Но, в отличие от рода, такие группы были более аморфны и подчинялись принципу дуальной экзогамии. Под генеалогической группой она понимала «кровнородственное объединение с определённым самоназванием и дуальной экзогамией, с культом предка данной группы. Для неё характерны общее кладбище, общая территория угодий, которые могут быть распределены между отдельными семьями, общий фонд наследственных или предковых имён-душ» [25, 156].

В 1970-е гг. томские этнографы В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина начали изучение восточных хантов. Владислав Михайлович специализировался на изучении религиозных верований, а Надежда Васильевна – хозяйства и материальной культуры. В их монографии о васюганско-ваховских хантах, в основном базирующейся на полевых материалах авторов, в разделе «Формы социальной организации» упоминаются два вида объединений родственного характера. Первый – *нуч/ноч* (в переводе на русский язык «порода») – либо представители одной фамилии, либо части фамилии. Они происходили от общего предка, имели общее культовое место [12, 192]. Учёные допускали, что такие *нуч* назывались по прозвищам лиц, возглавлявших большие семьи, а в некоторых случаях послужили основанием для образования фамилий по русскому образцу [12, 190, 191]. Второй вид – *ях* (народ) – объединение жителей одной реки, состоящей из нескольких фамилий. Происхождение такой группы связано с предком-богатырём, её члены поклонялись одному духу на общем жертвенном месте и придерживались принципа экзогамии [12, 193]. Томские специалисты не дали научной дефиниции описанным группам. Тем не менее, все приведённые ими характеристики свидетельствуют, что это

были разные виды группировок по родственному признаку. Помимо этого, полевые материалы В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной подтвердили существование у трёх групп восточных хантов – юганских, аганских и пимских – экзогамных групп-сыр, обнаруженных Г. Д. Вербовым на Агане и Тромагане [13, 236–238].

В 1990-е гг. вопросами устройства социальной организации обских угров начинают заниматься Е. П. Мартынова и Е. В. Первалова [14; 15; 17]. Они различают два типа родственных объединений у хантов и манси – *рам/пут* и *сир/сыр*. Первый основывается на реальном генеалогическом родстве «по крови», охватывает сравнительно небольшой круг родственников-однофамильцев и осознаётся как предковое (вертикальное) [15, 35]. Е. В. Первалова связывает этот тип родства с северохантыйским понятием «*рам*» – очажный лист, на котором разводили домашний огонь, и переводит как «люди одного очага» [17, 219–220]. Вслед за А. В. Головнёвым она определяет такое родство как вертикальное (межпоколенное) Представления о родстве *рам* символизируют идею единства мёртвых и живущих сородичей. В пределах этого родственного круга проводится обряд *ляksam*, позволяющий установить, душа какого предка перешла к новорожденному [17, 221–222].

Роды *сир/сыр* объединяли несколько *рам*, в их основе лежали представления о единстве происхождения, общем культе и запрете взаимных браков [17, 226]. Елена Валерьевна обратила внимание, что у родов-*сир* экзогамия выступала как центробежная сила (поиск брачных партнёров возможен лишь вне рода), а религиозная функция выступала как центростремительная сила, консолидирующая группу [17, 230]. Исследовательница привела множество примеров угорских родов-*сир* [17, 231–236]. По мнению Е. П. Мартыновой, род-*сир* обозначает не столько кровное, сколько идеологическое единство и может включать в круг родственников представителей других родов и даже иноэтнические компоненты [15, 37]. Необходимо подчеркнуть, что Е. В. Первалова изучала родовые структуры у обских угров в контексте их этнической истории, в процессе которой происходили интенсивные макро- (межэтнические) и микро- (родственные) взаимодействия. По образному выражению, из истории отдельных родов складывалась история народа [17, 218].

Современных исследователей хантов и манси интересует тема сохранения традиционных

социальных институтов, в том числе родового деления. В ходе полевой работы им удаётся найти его «остатки», точнее – сохранившиеся представления о родах и родовом устройстве. Е. Г. Фёдорова в одной из статей даже привела слова информанта о том, что «традиционная социальная организация реально сохраняется и функционирует» [33, 120]. В публикациях приводятся сведения о родовом делении различных этнотерриториальных групп обских угров [27; 28; 32; 33]. Последнее важно для анализа происхождения родовых названий и изучения этнической истории [19].

В последние годы вопросы, связанные с родовыми группами и родственными связями у обских угров, привлекают внимание этнографов-угроведов, специализирующихся на исследовании других проблем. Тематика рода и родственных связей непременно всплывает при изучении такого феномена, как реинкарнация души в представлениях хантов и манси. Выявление принципов, по которым происходит возрождение души, позволяет в ином ключе взглянуть на понимание родства и родственных связей среди хантов и манси [6; 7; 20]. Контекст социальной организации важен и при изучении духовной культуры обско-угорских народов, в частности традиционного мировоззрения, мифологической картины мира, культа духов-покровителей. Т. В. Волдина показала, что для северных групп хантов и манси основными принципами организации сакрального жизненного пространства выступают «дуализм», а у восточных хантов – «троичность», что совпадает с наличием дуального разделения на группы Пор / Мось и на три рода Медведя, Лося

и Бобра среди соответствующих этнографических групп [8; 9]. Татьяна Владимировна обратила внимание на условность родовых границ в современных представлениях северных хантов и манси. Род может восприниматься в широком смысле – и границы его могут быть расширены до диалектно-этнографической группы или сжиматься до более узкого понимания – и тогда он будет включать в себя непосредственно только круг кровных родственников, состоящий из близкородственных семей [7, 233–234]. Наконец, не нужно забывать о том, что концепт «рода» актуален для анализа традиционного природопользования на родовых угодьях [1].

Обсуждение и заключение

Подводя итоги, следует сказать, что в угроведении накоплен большой массив данных и исследований о роде у обско-угорских народов. При анализе этого феномена исследователи не выходили за методологические рамки эволюционизма вплоть до начала 1990-х гг. Все интерпретации рода и родовой организации хантов и манси концептуально исходили из представлений о том, что эти народы сохраняли пережитки первобытности довольно длительное время. И дореволюционный, и советский этнографический дискурс нацеливал на анализ архаических черт в их хозяйстве, культуре, общественном строе, религиозных представлениях. Антиэволюционистский поворот в этнологии конца XX в. способствовал осознанию того, что у хантов и манси существовали разные виды родственных объединений, имеющих различную основу и выполнявших разнообразные функции.

Список источников и литературы

1. Абрамов И. В. Родовые угодья без родовиков – отражение политики традиционного природопользования (на примере западных районов ХМАО–Югры) // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 324–339.
2. Артемова О. Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
3. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 92 с.
4. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во ТомГУ, 1960. 150 с.
5. Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. 1939. № 2. С. 57–70.
6. Волдина Т. В. Основные принципы реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. 2016. Т. 3. № 3 (26). С. 96–110.
7. Волдина Т. В. Род у северных хантов и манси в духовном измерении // Современная финно-угорская филология: теория и практика. Матер. Всерос. науч.-практич. конф. XIV Югорские чтения. Ханты-Мансийск; Ижевск: Принт-2, 2016. С. 233–247.
8. Волдина Т. В. Культ родовых духов-покровителей как основа организации жизненного пространства в традиционной культуре северных групп обских угров // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: куль-

- турное наследие и новые вызовы. Сб. ст. по матер. VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. С. 493–496.
9. Волдина Т. В. Иеротропическая модель в традиционной культуре обских угров (на примере территорий локальных групп) // Геннадий Райшев: Культурный ландшафт. Диалоги в пространстве и времени. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск: Гос. худ. музей, 2020. С. 102–111.
10. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с. (Серия «Труды института этнографии. Новая серия», Т. 55).
11. Долгих Б. О. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.). М.: Наука, 1970. С. 332–360.
12. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.
13. Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 21. С. 232–240.
14. Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // Молодин В. И., Лукина Н. В. и др. История и культура хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 77–120.
15. Мартынова Е. П. Род у нижнеобских хантов // Ямал–регион: историческая ретроспектива и современность. Матер. Всерос. науч.-практич. конф. «Ямальские гуманитарные чтения-2006». Салехард; Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 30–41.
16. Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири в первой половине XIX в. // Учёные записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1948. № 105. Вып. 2. С. 288–300.
17. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2004. 414 с.
18. Попов В. А. Концепты «род» и «родовая организация»: опыт переосмысления дефиниций // Сибирские исторические исследования. 2020. №3. С.230–242.
19. Пятникова Т. Р. Предания и легенды о происхождении названия родов хантов Полноватского Приобья // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 36–40.
20. Рутткаи-Миклиан Э. Родство душой и телом. Реинкарнация у сынских ханты // С любовью и болью... к 60-летию Евы Шмидт. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С.183–215.
21. Свешников Н. А. Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX века // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1961. Т. 222. С. 67–99.
22. Соколова З. П. Социальная организация обских угров (к истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера. М: Наука, 1974. С. 82–132.
23. Соколова З. П. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // Советская этнография. 1976. № 6. С. 13–38.
24. Соколова З. П. Общественный строй обских угров в XVIII–XIX вв. // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 21. С. 220–231.
25. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и род. М.: Наука, 1983. 319 с.
26. Соколова З. П. Ещё раз о роде у хантов и манси // Семья и социальная организация финно-угорских народов (Труды института языка, литературы и истории). Сыктывкар: Уральское отд. Коми научного центра, 1991. Вып. 49. С. 94–104.
27. Сподина В. И. Терминология социальных отношений родства обских угров и самодийцев сквозь призму понятия род // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 1 (12). С. 32–42.
28. Сподина В. И. О родовом устройстве и названиях некоторых родов обских угров и самодийцев ХМАО // Вестник угроведения. 2011. Т. 1. № 2 (5). С. 140–145.
29. Старцев Г. Н. Остяки: социально-экономический очерк. Л.: Прибой, 1928. 151 с.
30. Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Советская этнография. 1936. № 3. С. 19–35.
31. Степанов Н. Н. Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера и России // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 74–88.
32. Фёдорова Е. Г. «Одного корня люди» и другие виды родственных отношений у северных манси (По материалам последней четверти XX – начала XXI в.) // Сибирский сборник–4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 400–409.
33. Федорова Е. Г. Традиционные социальные институты северных манси во второй половине XX в. // Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность: сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 118–161.
34. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № II. С. 20–42.
35. Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № VI, VII. С. 158–185.
36. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала М.: Наука, 1971. 120 с. (Серия «Археология СССР. Свод археологических источников», Вып. В 4–12).

37. Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Томск: Изд- Том. Краевого Музея, 1931. 175 с. (Серия «Труды Томского краеведческого музея», Т. IV).
38. Barnard A. Universal system of kin categorization // *African Studies*. 1978. V. 37. Pp. 69–81.
39. Fortes M. Kinship and Social Order: The Legacy of Lewis Henry Morgan. London: Routledge & K. Paul, 1970. 334 p.
40. Ingold T. On the social relations of the hunter-gatherer band // *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Pp. 399–410.
41. Richards A. J. Some Types of Family Structure among the Central Bantu // *African Systems of Kinship and Marriage*. London: Oxford University Press, 1950. Pp. 207–251.
42. Steinits S. W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien // *Ethnos*. 1938. Vol. 3. № 4–5. Pp. 125–140.

References

1. Abramov I. V. *Rodovye ugod'ya bez rodovikov – otrazhenie politiki traditsionnogo prirodopol'zovaniya (na primere zapadnykh rayonov KhMAO–Yugry)* [Territories of traditional nature use without indigenous users as a reflection of the policy of traditional nature management (on the example of the Western Districts of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra)]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2021, no. 2, pp. 324–339. (In Russian)
2. Artemova O. Yu. *Koleno Isava: okhotniki, sobirатели, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The clan of Isava: hunters, gatherers, fishermen (experiences of study of alternative social systems)]. Moscow: Smysl Publ., 2009. 560 p. (In Russian)
3. Bakhrushin S. V. *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh* [Ostyak and Vogul principalities in the XVI–XVII centuries]. Leningrad: Izd-vo Instituta narodov Severa TsIK SSSR Publ., 1935. 92 p. (In Russian)
4. Boyarshinova Z. Ya. *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* [Population of Western Siberia before Russian colonization (Types of economic activity and social structure of the local population)]. Tomsk: Izd-vo TomGU Publ., 1960. 150 p. (In Russian)
5. Verbov G. D. *Perezhitki rodovogo stroya u nentsev* [Vestiges of the tribal system among the Nenets people]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1939, no. 2, pp. 57–70. (In Russian)
6. Voldina T. V. *Osnovnye printsipy reinkarnatsii u obskikh ugrov* [Basic principles of reincarnation among the Ob-Ugric peoples]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 6 (3), pp. 96–110. (In Russian)
7. Voldina T. V. *Rod u severnykh khantov i mansi v dukhovnom izmerenii* [The clan among the Northern Khanty and Mansi in the spiritual dimension]. *Sovremennaya finno-ugorskaya filologiya: teoriya i praktika. Mater. Vseros. nauch.-praktich. konf. XIV Yugorskie chteniya* [Modern Finno-Ugric philology: theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference XIV Yugra Readings]. Khanty-Mansiysk, Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. pp. 233–247. (In Russian)
8. Voldina T. V. *Kul't rodovykh dukhov-pokroviteley kak osnova organizatsii zhiznennogo prostranstva v traditsionnoy kul'ture severnykh grupp obskikh ugrov* [Cult of clan patron spirits as a basis of organization of living space in the traditional culture of the Northern groups of the Ob-Ugric peoples]. *Finno-ugorskiy mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy. Sb. st. po mater. VI Vseros. nauchn. konf. finno-ugrovedov* [Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges. Collection of articles based on materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Scholars]. Izhevsk: Izdatel'stvo Anny Zeleninoy Publ., 2019. pp. 493–496. (In Russian)
9. Voldina T. V. *Ierotropicheskaya model' v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov (na primere territoriy lokal'nykh grupp)* [Hierotropic model in the traditional culture of the Ob-Ugric peoples (on the example of territories of local groups)]. *Gennadiy Rayshev: Kul'turnyy landschaft. Dialogi v prostranstve i vremeni. Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Gennady Rayshev: Cultural landscape. Dialogues in space and time. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Khanty-Mansiysk: Gosudarstvennyy khudozhestvennyy muzey Publ., 2020. pp. 102–111. (In Russian)
10. Dolgikh B. O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. Moscow: Nauka Publ., 1960. 622 p. (*Seriya "Trudy instituta etnografii. Novaya seriya", T. 55*) [Series "Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series", vol. 55]. (In Russian)
11. Dolgikh B. O. *Plemya u narodnostey Severa* [Tribe of the peoples of the North]. *Obshchestvennyy stroy u narodov Severnoy Sibiri (XVII – nachalo XX v.)* [The social system of the peoples of Northern Siberia (XVII – early XX centuries)]. Moscow: Nauka Publ., 1970. pp. 332–360. (In Russian)
12. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX vv.* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late XIX – early XX centuries]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1977. 226 p. (In Russian)
13. Lukina N. V., Kulemzin V. M. *Novye dannye po sotsial'noy organizatsii vostochnykh khantov* [New data on the social organization of the Eastern Khanty]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1976. Vol. 21. pp. 232–240. (In Russian)
14. Martynova E. P. *Obshchestvennoe ustroystvo v XVII–XIX vv.* [Social structure in the XVII–XIX centuries]. Molodin V. I., Lukina N. V. *Istoriya i kul'tura khantov* [History and culture of the Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1995. pp. 77–120. (In Russian)
15. Martynova E. P. *Rod u nizhneobskikh khantov* [The clan of the Lower Ob Khanty people]. *Yamal-region: istoricheskaya retrospektiva i sovremennost'. Mater. Vseros. nauch.-prak. konf. "Yamal'skie gumanitarnye chteniya – 2006"* [Yamal-region:

historical retrospective and modernity. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Yamal Humanitarian Readings – 2006”]. Salekhard; Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2006. pp. 30–41. (In Russian)

16. Murzina A. I. *K voprosu o sotsial'nom stroe narodov Severo-Zapadnoy Sibiri v pervoy polovine XIX v.* [To the question of the social structure of the peoples of North-Western Siberia in the first half of the XIX century]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya vostokovedcheskikh nauk* [Scientific Notes of the Leningrad State University. Series of Oriental Sciences], 1948, no. 105 (2), pp. 288–300. (In Russian)

17. Perevalova E. V. *Severnyye khanty: etnicheskaya istoriya* [The Northern Khanty: ethnic history]. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii UrO RAN Publ., 2004. 414 p. (In Russian)

18. Popov V. A. *Kontsepty “rod” i “rodovaya organizatsiya”: opyt pereosmysleniya definitsiy* [Concepts “clan” and “clan organization”: experience in rethinking definitions]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2020, no. 3, pp. 230–242. (In Russian)

19. Pyatnikova T. R. *Predaniya i legendy o proiskhozhdenii nazvaniya rodov khantov Polnovatskogo Priob'ya* [Legends about the origin of the name of the clans of the Khanty people of the Polnovat Ob region]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2021, no. 2, pp. 36–40. (In Russian)

20. Ruttkai-Miklian E. *Rodstvo dushoy i telom. Reinkarnatsiya u synskikh khanty* [Kinship of soul and body. Reincarnation of the Synya Khanty people]. *S lyubov'yu i bol'yu... k 60-letiyu Evy Shmidt* [With love and pain... for the 60th anniversary of Eva Schmidt]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2008. pp. 183–215. (In Russian)

21. Sveshnikov N. A. *Obshchestvennyy stroy narodov Nizhnego Priob'ya v kontse XIX – nachale XX veka* [Social structure of the peoples of the Lower Ob region at the end of the XIX – early XX centuries]. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen], 1961, no. 222, pp. 67–99. (In Russian)

22. Sokolova Z. P. *Sotsial'naya organizatsiya obskikh ugrov (k istorii voprosa)* [Social organization of the Ob-Ugric people (to the history of the question)]. *Sotsial'naya organizatsiya i kul'tura narodov Severa* [Social organization and culture of the peoples of the North]. Moscow: Nauka Publ., 1974. pp. 82–132. (In Russian)

23. Sokolova Z. P. *Problema roda, fratrii i plemeni u obskikh ugrov* [Problem of clan, phratry and tribe among the Ob-Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1976, no. 6, pp. 13–38. (In Russian)

24. Sokolova Z. P. *Obshchestvennyy stroy obskikh ugrov v XVIII–XIX vv.* [Social structure of the Ob-Ugric people in the XVIII–XIX centuries]. *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1976. Vol. 21. pp. 220–231. (In Russian)

25. Sokolova Z. P. *Sotsial'naya organizatsiya khantov i mansi v XVIII–XIX vv.: Problemy fratrii i rod* [Social organization of the Khanty and Mansi peoples in the XVIII–XIX centuries: Problems of phratries and clan]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 319 p. (In Russian)

26. Sokolova Z. P. *Eshche raz o rode u hantov i mansi* [Once again about the clan among the Khanty and Mansi peoples]. *Sem'ya i sotsial'naya organizatsiya finno-ugorskih narodov (Trudy instituta yazyka, literatury i istorii)* [Family and social organization of the Finno-Ugric peoples (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History)]. Syktyvkar: Ural'skoe otdelenie Komi NC Publ., 1991. Vol. 49. pp. 94–104. (In Russian)

27. Spodina V. I. *Terminologiya sotsial'nykh otnosheniy rodstva obskikh ugrov i samodiytsev skvoz' prizmu ponyatiya rod* [Terminology of social relations of kinship of the Ob-Ugric and Samoyedic people through the prism of the concept of the clan]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugra State University], 2009, no. 1 (12), pp. 32–42. (In Russian)

28. Spodina V. I. *O rodovom ustroystve i nazvaniyakh nekotorykh rodov obskikh ugrov i samodiytsev KhMAO* [About the genealogical structure and names of some clans of the Ob Ugric and Samoyedic peoples of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2011, no. 1(2), pp. 140–145. (In Russian)

29. Startsev G. N. *Ostyaki: sotsial'no-ekonomicheskiy ocherk* [Ostyak people: socio-economic essay]. Leningrad: Priboy Publ., 1928. 151 p. (In Russian)

30. Stepanov N. N. *K voprosu ob ostyako-vogul'skom feodalizme* [To the question about Ostyak and Vogul feudalism]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1936, no. 3, pp. 19–35. (In Russian)

31. Stepanov N. N. *Istoricheskoe znachenie prisoedineniya narodnostey Kraynego Severa i Rossii* [Historical significance of the joining of the peoples of the Far North and Russia]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1952, no. 7, pp. 74–88. (In Russian)

32. Fedorova E. G. *“Odnogo kornya lyudi” i drugie vidy rodstvennykh otnosheniy u severnykh mansi (Po materialam posledney chetverti XX – nachala XXI v.)* [“People of the Same Root” and other types of kinship relations among the Northern Mansi people (Based on materials of the last quarter of the XX – early XXI centuries)]. *Sibirskiy sbornik–4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury. (Pamyati rossiyskogo etnografa-tungusoveda Nadezhdy Vsevolodovny Ermolovoy)* [Siberian collection–4. Facets of the social: Anthropological perspectives of the study of social relations and culture. (In memory of the Russian Tungus ethnographer Nadezhda Vsevolodovna Ermolova)]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2014. pp. 400–409. (In Russian)

33. Fedorova E. G. *Traditsionnye sotsial'nye instituty severnykh mansi vo vtoroy polovine XX v.* [Traditional social institutions of the Northern Mansi in the second half of the XX century]. *Sotsial'naya organizatsiya u narodov Sibiri:*

traditsiya i sovremennost': sbornik nauchnykh statey [Social organization among the peoples of Siberia: tradition and modernity: collection of scientific articles]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2017. pp. 118–161. (In Russian)

34. Chernetsov V. N. *Fratrial'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva* [Phratry structure of the Ob-Ugric society]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1939, no. II, pp. 20–42. (In Russian)

35. Chernetsov V. N. *K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov* [To the history of the clan system of the Ob-Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1947, no. VI, VII, pp. 158–185. (In Russian)

36. Chernetsov V. N. *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock images of the Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 120 p. (*Seriya "Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov", Vyp. B 4–12* [Series "Archeology of the USSR. Collection of archaeological sources", Iss. B 4–12]). (In Russian)

37. Shatilov M. B. *Vakhovskie ostyaki: etnograficheskie ocherki* [The Vakh Ostyak people: ethnographic essays]. Tomsk: Izd. Tom. Kraevogo Muzeya Publ., 1931. 175 p. (*Seriya "Trudy Tomskogo kraevedcheskogo muzeya", T. IV* [Series "Proceedings of the Tomsk Museum of Local Lore", Vol. IV]). (In Russian)

38. Barnard A. Universal system of kin categorization. *African Studies*, 1978, no. 37, pp. 69–81. (In English)

39. Fortes M. *Kinship and Social Order: The Legacy of Lewis Henry Morgan*. London, Routledge & K. Paul, 1970. 334 p. (In English)

40. Ingold T. On the social relations of the hunter-gatherer band. *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. pp. 399–410. (In English)

41. Richards A. J. Some Types of Family Structure among the Central Bantu. *African Systems of Kinship and Marriage*. London: Oxford University Press, 1950. pp. 207–251. (In English)

42. Steinits S. W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. *Ethnos*, 1938, no. 3 (4–5), pp. 125–140. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартынова Елена Петровна, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125), доктор исторических наук.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286

ABOUT THE AUTHOR

Martynova Elena Petrovna, Professor of the Chair of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (300026, Russian Federation, Tula, Lenina Avenue, 125), Doctor of Historical Sciences.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286